

Текст · 17 апреля 2022, 14:44

Алла Константинова,

«В процессе потеряла сознание и даже этому рада». Что мы знаем об изнасилованиях, совершенных в Украине российскими солдатами

Отдельные сообщения об изнасилованиях появлялись практически с самого начала российского вторжения в Украину, но масштаб подобных преступлений стал очерчиваться только после того, как армия России покинула города и села в Киевской области. Хотя бы примерной статистики пока нет, на сбор информации уйдут еще годы. «Медиазона» изучила доступные сегодня свидетельства о жертвах насилия — и о том, как с ними работают психологи.

«Одна девочка плохо говорит, потому что, когда ее насиловали, били по лицу — и у нее нет зубов. На украинской мове это называется "гугнявить"», — делая длинные паузы, рассказывает Екатерина Галянт, клинический психолог из Киева.

Сейчас она в Таллинне, работает в двух местных роддомах с беженками из Украины — обязательно беременными, осмотр и консультации предлагают всем прибывающим украинкам. У Екатерины не только психологическое, но и медицинское образование, поэтому для беженки она «и как врач, и как психолог».

Три изнасилованные российскими солдатами девушки — им 16, 17 и 20 лет — сейчас не в Таллинне. Они связались с Екатериной в соцсетях, две из

них по совету знакомых. Психолог рассказывает, что индивидуально работает с ними в зуме: у нее камера включена, у пострадавших — нет. Екатерина не знает их настоящих имен и пока не задает слишком много вопросов — иногда разговор длится всего по 5-10 минут, потом девушки начинают плакать и отключаются. Екатерине и самой непросто: говорит, что выгорит, если возьмет в работу хотя бы еще одну жертву насилия на войне.

«Две девочки из Бучи, одна из Ирпеня, — продолжает Екатерина Галянт. — Конечно, никто еще не писал в запросе: "Меня изнасиловали, помогите". Пишут в основном так: "Не вижу смысла в жизни", "Есть суицидальные мысли", "Не могу спать", "Не могу есть", "Не могу к себе прикасаться, ненавижу свое тело" и так далее. Одна из пациенток с суицидальными мыслями нашла меня через [канал волонтерский](#)^[1]. Мы с ней созвонились в зуме — я собирала анамнез. Думала, вдруг у нее клиническая депрессия, нужно подключать психиатра — и она мне потом уже сказала, что находилась в Буче и ее изнасиловали. Ну и с этого момента мы работаем».

Истории всех трех изнасилованных очень похожи, говорит психолог. Поначалу ее это даже смутило: «Я сначала думала, что это один какой-то моральный урод, извращенец — в мирное время же тоже есть такие люди. Но тут приходили группами и все делали одно и то же! Может, у них приказ такой был или план... [пострадавшие] рассказывают фактически одно и то же».

Воспоминания жертв как бы делились на три части, продолжает она: сначала девушки рассказывали, как

российские военные в начале оккупации ходили по домам и записывали, кто там находится и есть ли среди них мужчины, забирали мобильные телефоны. Затем — как солдаты начали мародерствовать: по словам Екатерины, у одной из ее клиенток «даже утюг забрали». А где-то за полторы недели до отступления из-под Киева «начались зверства».

«[Российские солдаты] мужчин всех забирали, и что они там с ними сделали — не знает никто, — говорит Галянт. — И остались [в домах] фактически только женщины и дети. У одной из этих девочек папа погиб во время оккупации: он поехал куда-то в Буче за продуктами и его застрелили, как она рассказала. Тела она не видела, но кто-то из соседей якобы видел. Он не вернулся, ну а искать тело сейчас у нее нет ресурса. И мы пока эту тему не трогаем».

Все три девушки рассказывают, что военные ходили по жилым домам группами разного возраста, от трех до пяти человек: «Основные — это молодые солдаты, до тридцати лет, и кто-то был с ними всегда старший. Ну, 45 лет, 50. Как их отцы, грубо говоря, были», — говорит психолог. В дома они заходили по вечерам. Все военные, как вспоминают пострадавшие, были пьяны.

«Если дома была какая-то выпивка — они это все доставали, садились на кухню, заставляли девочек что-то им готовить-подносить, если что-то в доме было. Ну а потом начинались насилования... — говорит Екатерина. — Если говорить про девочек — все было единоразово, но это были групповые насилования. И чем больше девочки сопротивлялись, тем больше солдаты были... ну, вот этой девочке

же выбили зубы, и она сказала, что так кричала и пыталась или лица им расцарапать, и что-то сделать. Но против пятерых мужчин девочка 16-летняя....».

17-летняя клиентка Екатерины во время изнасилования потеряла сознание: «И она даже этому и рада». Всем трем девушкам удалось сбежать из дома, когда насилующие их солдаты уснули. Одну из девушек — ту, которая потеряла отца — на улице заметила соседка.

«Забрали ее в какой-то дом, где в подвале люди были, — пересказывает психолог. — Она рассказывала, что, пока ждали эвакуацию, они в этом подвале забаррикадировались и не вылезали. Были и люди умершие уже — еды же не было, и их не вынести. Я спрашивала, где они брали воду: а это подвалы старых домов, там вот эти все трубы канализационные — вот они сделали там какие-то дырки в них и оттуда набирали тоже хоть какую-то воду».

Где сейчас находятся обратившиеся к ней девушки, Екатерина Галянт наверняка не знает — это тоже часть их договоренностей. Пытаясь собрать медицинский анамнез и оказать помощь, психолог узнала и о физических травмах.

«У одной девочки ссадины, по симптоматике — не перелом руки, но сильный ушиб, — говорит она. — Мы пытались хотя бы прорисовать то, что она не может сказать, и у нее правая рука не работает. Меня больше всего беспокоит, что никто из этих девочек еще не обратился к гинекологу. Все они говорят, что когда первый раз сходили в душ, то хотелось вымыться и вообще, снять кожу с себя. И они это и начинают

делать: заливают спиртовые растворы себе в вагину... Это такой вопрос, который у меня тоже очень болит. Я понимаю, что если, грубо говоря, уже прошли две недели и у них есть инфекции или беременности — то надо этот вопрос как-то уже решать».

«Она сидела в меховой шубе на голое тело. Ее убили выстрелом в голову»

«У нас коллективная заявка — изнасилованные женщины возрастом от 14 лет, часть из них беременны, — [пишет](#) у себя в инстаграме психотерапевтка из Киева Василиса Левченко. — От насильников, блядь. Уточню: от оккупантов, русских солдат, которые крали из их домов технику и золото, искали блендер и кухонный комбайн — чтобы жене трофеей принести, а потом насильовали мирных украинских женщин <ѿ.ѿ Мы в чате команды делим заявки. Трех — Кате, двоих — Нине, Элле — самых трудных, которые онемели и не говорят ни слова».

Левченко сказала «Медиазоне», что лично к ней обратились пятеро пострадавших от сексуализированного насилия. Но собрать статистику даже внутри проекта [«Психологическая помощь»](#), с которым она сотрудничает, пока невозможно: «В проект ежедневно сотни заявок, посчитать, сколько из них о насилии, не представляю себе возможным».

Жителям села Загальцы в Киевской области до начала апреля пришлось прятать от российских солдат двух молодых женщин, рассказал «Медиазоне» Роман Вагрант. Начало войны он [встретил](#) в Бородянке, из

которой потом сбежал вместе с семьей в Тернополь. В Загальцах у него живут родственники — село с первых чисел марта заняли российские военнослужащие.

«Алкоголь, сигареты и женщины — вот все, что их интересовало, — говорит Роман. — В Загальцах оставались две девушки — их прятали люди, потому что кто-то сказал солдатам, что есть женщины в селе, а они хотели молодых женщин».

«Я услышала одиночный выстрел, звук открывания ворот, а затем шаги в доме, — [рассказывала](#) *The Times* Наталья^[2] из села в Броварском районе. — Это был [военнослужащий по имени Михаил] Романов, вернувшийся с другим примерно 20-летним мужчиной в черной униформе. Я закричала: где мой муж? Потом посмотрели во двор и увидели его на земле у ворот. Младший парень приставил пистолет к моей голове и сказал: "Я застрелил твоего мужа, потому что он нацист"».

По словам Натальи, маленький сын прятался в котельной дома, пока военные ее насиловали. Она вспоминает, что насильники держали пистолет у ее головы и отпускали язвительные замечания в ее адрес — они изнасиловали ее трижды. «Когда они вернулись в третий раз, были настолько пьяны, что едва стояли на ногах, — вспоминала украинка. — В конце концов они оба заснули в креслах. Я проползла в котельную и сказала сыну, что нам нужно бежать очень быстро или нас застрелят».

Елена из захваченного Херсона [плачет](#), рассказывая корреспондентке *AFP*, как ее насиловали российские солдаты. Женщину выследили, когда она

возвращалась из магазина: «Я даже не успела дойти домой. Они сзади в двери зашли. Я не успела взять телефон. Я не успела ничего. Они просто молча повалили меня на кровать, молча раздели. В четыре часа утра они просто ушли. Они между собой не разговаривали. Просто обзывали хохлушкой, бандеровкой. И потом сказали: "Ладно, все, нам на пост заступать. Мы пошли"».

«Он отвел меня в соседний дом, — рассказывала "Би-би-си" 50-летняя Анна^[3], жительница одного из сел в Киевской области. — Он приказал мне: "Раздевайся, или я тебя пристрелю". Он постоянно угрожал убить меня, если я не сделаю так, как он сказал. Потом он начал меня насиловать. Пока он меня насиловал, вошли еще четверо солдат. Я думала, что мне конец. Но его забрали. Больше я его не видела».

Насильника Анна описывает как «молодого худощавого чеченского боевика». Перед изнасилованием он «под дулом пистолета» отвел женщину в соседний дом, а когда она вернулась в свой, то увидела раненного в живот мужа. В больницу было не попасть — шли бои — и супруги укрылись в соседнем доме, где муж скончался через двое суток. Анна похоронила его на заднем дворе.

По словам Анны, уже после смерти мужа она узнала, что в их селе изнасиловали и убили еще одну женщину — когда после отхода россиян полиция приехала ее эксгумировать, тело было без одежды и с глубоким порезом на шее.

После того как российские войска ушли из Бучи под Киевом, племянник одного из жителей города в подвале под его сараем обнаружил тело убитой женщины.

«Она сидела в сгорбленном положении с раздвинутыми ногами в меховой шубе на голое тело, — описывался этот случай в репортаже *New York Times*. — Ее убили выстрелом в голову, рядом обнаружились две гильзы. Когда украинские полицейские достали тело и провели обыск, в подвале нашли вскрытые упаковки от презервативов, а в доме — использованный презерватив».

Иллюстрация: Mari Msukanidze / Медиазона

«Он сказал, что я напоминаю девочку, с которой он ходил в школу»

Сообщения об изнасилованиях стали появляться одно за другим сразу после вывода российских войск из Киевской области в конце марта.

Некоторые публикации их авторы потом удаляли — например, украинская журналистка Алина Дубовская, написавшая пост про изнасилованную и изуродованную 11 солдатами девятилетнюю девочку в Ирпене.

«Из-за резонанса этой истории пришлось скрыть пост о семье погибшей и изнасилованной девочки на своей странице, — объяснила она удаление

публикации. — Отчасти из-за волны ненависти в мою сторону, отчасти потому, что я решила открыть его снова только тогда, когда родственники разрешат публиковать доказательства, и я смогу обновить сам пост, чтобы ни у кого не возникло вопросов».

Насилие происходило не только в Киевской области. 3 апреля *Human Rights Watch* [опубликовала](#) доклад, в котором упоминается история 31-летней женщины из села Малая Рогань под Харьковом. Попросившая не называть ее имени украинка рассказала, как в ночь на 14 марта российский солдат ворвался в подвал местной школы, где укрывалась группа женщин и детей. По словам пострадавшей, солдат отвел ее в класс на втором этаже и под дулом пистолета заставил раздеться и заняться с ним оральным сексом. Он изрезал ей лицо и шею ножом: «Он сказал, что я напоминаю ему девочку, с которой он ходил в школу».

Об изнасилованиях не раз сообщали официальные лица. Еще 22 марта генпрокурор Украины Ирина Венедиктова [писала](#), что ей «поступают сведения о сексуальных преступлениях российских военных на оккупированных территориях».

Тогда же она [сообщила](#), что установлена личность одного из двух российских военных, изнасиловавших жительницу села Богдановка в Броварском районе — Наталью, рассказывавшую, как сын в это время прятался в котельной. Этот случай упоминался и в [докладе](#) *Amnesty International*.

Начальник полиции Киевской области Андрей Небитов так [говорил](#) об этом преступлении и ходе расследования: «Муж попытался заступиться

за свою семью. Он был 1985 года рождения. Молодой человек фактически. Из пистолета он был застрелен в своем же дворе. <ѳ.ѳ Женщина зашла с ребенком домой, пыталась укрыться от этого насилия. Но вечером двое (один из них — [Михаил] Романов, нами установленный) после употребления алкоголя вернулись в дом и под угрозой, что они нанесут телесные повреждения ее трехлетнему сыну, застрелят его точно так же, как и мужа, совершили акт насилия. Кроме Романова там было еще одно не установленное следствием лицо. Они были солдатами Российской Федерации. Они ушли, а потом возвращались так еще три раза. Совершая акты насилия над ней. Потом ей удалось вырваться и сбежать».

Уполномоченная Верховной Рады по правам человека Людмила Денисова в начале апреля писала о подвергшихся насилию детях из Бучи: по ее словам, 14-летнюю девочку насильовали пятеро российских солдат, после чего она забеременела, а над 11-летним мальчиком надругались «на глазах у матери». Денисова утверждает, что ей известно много примеров сексуализированного насилия и в других городах: например, что группу женщин и девочек удерживали в подвале дома 25 дней, и сейчас девять из них беременны.

31 мая Верховная Рада уволела Людмилу Денисову поста омбудсмена. По словам депутата Павла Фролова, парламентариев смущала «непонятная концентрация» ее медийной работы на деталях «сексуальных преступлений в извращенной форме» и

«изнасилованиях детей», которые она не могла подтвердить доказательствами. Издание «Украинская правда» позже писало со ссылкой на источники в прокуратуре, офисе омбудсмена и партии «Слуга народа», что проверка не нашла подтверждения большинства историй об изнасилованиях, опубликованных Денисовой.

Об изнасилованиях в Херсонской области говорил, к примеру, глава военной администрации Кривого Рога Александр Вилкул: «Мы все больше и больше сталкиваемся со страшными историями. Такими, например, как изнасилование 16-летней беременной девушки и 78-летней бабушки в одном из сел на Ингулецком направлении. Это то, чему никогда не будет прощения».

Президент Украины Владимир Зеленский в недавнем обращении к парламенту Литвы упоминал «о сотнях жертв изнасилования»: «В том числе несовершеннолетних девочек или совсем маленьких детей и даже младенцев. Страшно об этом говорить, но это правда, это было».

Власти России случаи изнасилований не признают. Министр иностранных дел Сергей Лавров еще 5 апреля назвал «лживой провокацией» информацию об убийствах и изнасилованиях в Буче.

«У психики есть точка переносимости, выше которой она уже не может вынести»

Жертвы насилия могут молчать о том, что с ними произошло, особенно если у них нет повреждений, требующих немедленной медицинской помощи, объясняет психолог Екатерина Галянт. Она предполагает, что обращений со временем будет только больше.

Сейчас пострадавшие в Украине могут звонить в полицию, обращаться на горячие линии психологической поддержки и в офис генпрокуратуры. Какой-либо официальной статистики по изнасилованиям в Украине во время войны нет, а психологи ограничены этическими нормами и не делятся друг с другом или с государственными ведомствами информацией о своих клиентках, замечает Галянт.

«Сбор информации о таких случаях может занимать достаточно много времени, — говорит исследователь *Human Rights Watch* в Украине Юлия Горбунова, которая сейчас изучает случаи насилия в Буче и Броварах под Киевом. — В некоторых конфликтах проходили месяцы, а иногда и годы, прежде чем становилось известно об истинном масштабе таких преступлений».

«Из-за патриархального устройства общества не все, понятно, будут распространяться [о том, что их изнасиловали]», — замечает волонтер Леонид Романов^[4], который помогает украинским беженкам, эвакуированным в Польшу. В Польше прерывание беременности возможно лишь в случае угрозы жизни или здоровью матери, поэтому в случае необходимости волонтеры могут переправить

девушек в другие страны, где нет такой проблемы с абортами. Но к Романову пока никто не обращался.

А вот в польскую организацию «Аборты без границ» с 1 марта по 11 апреля обратились 99 беременных гражданок Украины, сказала «Медиазоне» волонтерка варшавской организации *Abortion Dream Team* Анна Прус.

«Мы не спрашиваем людей, почему они хотят сделать аборт, как они забеременели, откуда они, — подчеркивает Анна. — Мы не имеем права на такую информацию. Иногда люди хотят поговорить с нами о том, что произошло во время этой беременности, но это их желание поделиться подробностями».

Екатерина Галянт рассуждает, что изнасилование на фоне войны может нанести непоправимый урон: «Люди в ситуации войны нуждаются в психологической помощи. Посттравматический синдром развивается от трех до шести месяцев после травматического события. То есть мы все сейчас даже не в нем, мы сейчас в острой стадии стресса. И в том, что всем украинцам нужна будет такая помощь — это даже никто не сомневается. У психики есть точка переносимости, выше которой она уже не может вынести — это приводит к развитию какого-то заболевания, депрессии и прочего. А если это война, да еще и накладывается изнасилование — это то, что уничтожает психику абсолютно, понимаете?».

Редактор: Егор Сковорода

Обновлено 27 июня в 20:28. Добавлена информация о том, что омбудсмен Людмила Денисова, чьи

сообщения процитированы в одном из абзацев текста, была уволена, а ее утверждения позже не подтвердились.

1. В телеграм-канале «Помощь психолога» жителей Украины консультируют бесплатно и анонимно.
2. Имя изменено.
3. Имя изменено.
4. Имя изменено.